

ПРОЦЕСС ГЛАВНЫХ НЕМЕЦКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Вечернее заседание 7 декабря

НЮРНБЕРГ, 7 декабря. (ТАСС). На вечернем заседании Трибунала 7 декабря представитель английского обвинения Робертс закончил представление Трибуналу документов о преднамеренном и заранее запланированном вторжении германских войск в Бельгию, Голландию и Люксембург.

Официальные документы, представленные Трибуналу, свидетельствуют, что 10 мая 1940 г. в 4 часа 30 мин. утра немецкие самолеты начали бомбардировку бельгийских и голландских аэродромов и других объектов, и лишь в 8 час. 30 мин. германский посол приехал в министерство иностранных дел Бельгии. Министр иностранных дел Бельгии Спаак предупредил его, что он, министр, будет говорить первым. Министр прочел германскому послу протест бельгийского правительства против предательского нападения германских вооруженных сил на страну. В этом протесте говорилось: «Второй раз в течение 25 лет Германия совершила преступную агрессию против нейтральной лояльной армии Бельгии. То, что сейчас произошло, более отвратительно, чем агрессия 1914 года. Никакого ультиматума, никакой ноты, никакого протеста никогда не вручалось бельгийскому правительству. Только в результате самого нападения Бельгия узнала, что Германия нарушила обязательства, данные ей 13 октября 1937 г. и возобновленные в начале войны. Актом агрессии, совершенным Германией, для которого нет никакого оправдания, глубоко возмущается весь мир. История будет считать германскую империю ответственной».

По просьбе Трибунала обвинитель читает также ноту, представленную германским послом министру иностранных дел Бельгии. В этой ноте гитлеровские заговорщики заявляли, что их вторжение вызвано якобы необходимостью предупредить вторжение англичан и французов в Бельгию, Голландию и Люксембург и желанием «обеспечить нейтралитет» этих трех стран. «С этой целью», — говорится в ноте, — правительство Германии бросит в бой крупные вооруженные силы, так что любое сопротивление будет бесполезным».

Затем Трибунал предоставляет слово представителю английского обвинения полковнику Филлиму.

Полковник Филлиму приводит документы о подготовке гитлеровских заговорщиков к нападению на Грецию и Югославию. Вторжение в Грецию и Югославию со стороны немцев, говорит обвинитель, является прямым нарушением Гаагской конвенции о мирном урегулировании международных споров и пакта Келлога — Бриана 1928 г. Филлиму напоминает Трибуналу речь Гитлера в рейхстаге, в которой он заверял югославское правительство в том, что Югославия останется нетронутой. Затем обвинитель читает выдержку из речи Гитлера на обеде в честь регента Югославии. В этой речи Гитлер лично заверяет в своих дружеских чувствах к Югославии.

Затем обвинитель просит приобщить к делу две выдержки из протокола совещания в Обер-Зальцбурге в 1939 году, в котором принимали участие Гитлер, Риббентроп и Чиано. На этом совещании Гитлер и Риббентроп убеждали Италию начать войну против Югославии с тем, чтобы Германия занялась в это время Польшей. Чиано был согласен ликвидировать Югославию, однако он сказал, что Италия не готова к этой войне. По мнению обвинителя, и сама Германия не была в то время еще готова для нанесения удара на Балканах.

В последующих документах представитель английского обвинения изобличает подсудимых Риббентропа, Кейтеля и Йодля в том, что они совместно с Гитлером планировали и развязывали войну на Балканах. Из этих до-

кументов обвинитель обращает внимание Трибунала на письмо Риббентропа к премьер-министру Югославии. В этом письме говорилось: «От имени германского правительства и по его распоряжению имею честь сообщить Вашему Превосходительству о следующем. По случаю присоединения Югославии к пакту трех держав германское правительство подтверждает свою решимость уважать суверенитет и территориальную целостность Югославии постоянно». Через 11 дней после того, как было подписано это письмо, немцы вторглись в Югославию. При этом Гитлер на совещании верховного командования германской армии указал на необходимость как можно скорее уничтожить югославские военно-воздушные силы и Белград. В результате этой директивы целые районы Белграда были, как известно, уничтожены.

Касаясь вторжения в Грецию, обвинитель сообщает, что оно было заранее запланировано Гитлером и его сообщниками. При этом игнорировалось то обстоятельство, что это вторжение являлось нарушением международного права. Заговорщики были озабочены только тем, как скрыть приготовления к вторжению, чтобы перед германскими вооруженными силами была бы ничего не подозревающая жертва. Единственная формальность, которая при этом была соблюдена, — это вручение ноты греческому посланнику в Берлине, в которой сообщалось, что германские войска вступают в Грецию, чтобы «изгнать англичан». Греческий посланник ответил, что история повторяется, что на Грецию Германия нападет так же, как Италия, и что Греция даст Германии тот же ответ.

Закончив представление доказательств германской агрессии, обвинитель говорит, что применявшаяся гитлеровцами техника в основном заключалась в обеспечении максимальных преимуществ неожиданности нападения для того, чтобы обеспечить несколько часов продвижения без сопротивления на территории ничего не подозревающей жертвы. Этот вывод обвинитель иллюстрирует знакомыми уже примерами вторжения гитлеровцев в Норвегию, Данию, Бельгию, Голландию и Люксембург. Эта серия агрессий, заключает полковник Филлиму, была осуществлена таким путем, который сам по себе является доказательством агрессивного вероломного характера гитлеровского режима. Нападение ночью без предупреждения, чтобы обеспечить первоначальное преимущество и представление впоследствии предлогов и объяснений, — это метод гитлеровцев. Этот метод действия, говорит обвинитель, является методом варваров. Государство, которое не уважает своего собственного слова или права какого-либо другого народа, кроме своего собственного, есть государство варваров.

После 10-минутного перерыва Трибунал предоставляет слово представителю американского обвинения Олдермену.

Начиная свою речь, Олдермен говорит, что прежде, чем перейти к разбору и разоблачению немецкого заговора против Советского Союза и США, он хочет обратить внимание Трибунала на два документа, только что полученные из английского министерства иностранных дел и относящиеся к гитлеровскому заговору против Австрии. Эти два документа — письмо британского посла в Берлине Невилля Гендерсона лорду Галифаксу и ответ Нейрата на английскую ноту протеста против оккупации Австрии.

В первом документе рассказывается о протесте английского правительства против действий Германии, которая силой навязала Австрии гитлеровское правитель-

ство. Во втором документе, подписанном подсудимым Нейратом, германское правительство решительно отвергает вмешательство Англии в германо-австрийские дела. Нейрат утверждает, что никакого немецкого ультиматума австрийскому правительству якобы не было, что немецкие войска, вступившие в Австрию, являются не оккупационными, а полицейскими, и что само австрийское правительство якобы просило Берлин прислать эти войска, чтобы избежать гражданской войны в Австрии.

Обвинитель напоминает Трибуналу о нескольких документах, уже приобщенных к делу: письме австрийского гитлеровца Райнера гитлеровскому имперскому комиссару Бюркелю, записи телефонного разговора подсудимого Геринга с подсудимым Зейсс-Инкварт, запись телефонного разговора Геринга с подсудимым Риббентропом. Эти документы неопровержимо доказывают, что Германия действительно навязала Австрии гитлеровское правительство, что Германия послала в Австрию оккупационные войска по своей воле. Правда, подсудимый Геринг, говоря с Зейсс-Инкварт по телефону, приказал ему прислать в Берлин телеграмму с просьбой о посылке войск для придания мерам германского правительства «легального характера». Однако Зейсс-Инкварт был настолько занят, что не сумел послать требуемой телеграммы. Впрочем, гитлеровские заговорщики обманывали и без этого филоного листочка. Указав на тот факт, что Нейрат присутствовал на совещании 5 ноября 1937 г., где решался вопрос о захвате Австрии, Олдермен подчеркивает, что Нейрат был одним из активных участников заговора против Австрии, которому было поручено замаскировать агрессию против Австрии лживыми нотами и декларациями.

Олдермен переходит к нападению гитлеровской Германии на СССР. Он подчеркивает, что характерной особенностью всех немецких выступлений против различных европейских стран является вероломство. Однако, как говорит Олдермен, «последний акт агрессии подсудимых, который в конце концов привел их на эту скамью», отличался особым вероломством.

Среди прочих документов обвинитель оглашает документ, помещенный в декабрь 1940 г. В нем говорится: «Начальник генерального штаба армии (Гальдер) докладывает затем о планируемой операции на Востоке. Сначала он останавливается на географических факторах. Главные военные промышленные центры находятся в Украине, в Москве и Ленинграде. Фюрер заявляет, что он согласен с обсуждаемыми оперативными планами, и добавляет следующее: наиболее важной целью является предупредить возможность русского отступления целым фронтом. Наступление на Восток должно продолжаться до тех пор, пока русские воздушные силы не будут в состоянии атаковать территории германской империи, а с другой стороны, германские воздушные силы должны получить возможность производить рейды, чтобы разбить русские военно-промышленные районы. Таким образом мы были бы в состоянии добиться уничтожения русской армии и предотвратить ее возрождение. Первый удар войск должен быть сделан таким путем, чтобы было возможно уничтожить крупное соединение врага. Весьма важно, чтобы русские не заняли снова позиции в тылу. Число дивизий 130—140, намеченных для всей операции, является достаточным».

Опубликование американским журналом документов, изобличающих Франко

НЬЮ-ЙОРК, 8 декабря. (ТАСС). Известный журналист Гервази опубликовал в журнале «Кольерс» ряд документов, показывающих, что испанское фашистское правительство Франко замышляло вступление в войну на стороне Германии и Италии против Обединенных Наций. Эти документы, пишет Гервази, были захвачены американскими войсками в архивах стран оси и в настоящее время находятся, по его словам, в распоряжении американского государственного департамента и военного министерства.

10 августа 1940 г. германский посол в Мадриде фон Шторер послал в Берлин следующую телеграмму: «Испанское правительство заявило, что оно готово, на определенных условиях, отказаться от политики невоюющей стороны и вступить в войну на стороне Германии и Италии... В качестве условий для вступления в войну испанское правительство ставит: 1) удовлетворение ряда национальных и территориальных требований, касающихся Гибралтара, французского Марокко и тех частей Алжира, которые заселены и колонизированы главным образом испанцами, увеличение территорий Рио де Оро и колоний в Гвинейском заливе, оказание необходимой военной и другой помощи, вызываемой нуждами войны».

15 августа 1940 года Франко направил Муссолини следующее письмо: «Дорогой дуче! С самого начала нынешней войны нашей целью являлось приложить все усилия к подготовке вступления в войну при удобном случае в соответствии со средствами, имеющимися в нашем распоряжении... После вступления в войну нашей страны наше положение стало яснее. Мы находимся в напряжении и переходим на положение невоюющей стороны, что должно серьезно отразиться на международном положении... Последствия поражения Франции и связанная с этим реорганизация северо-африканских территорий сделали целесообразным поручить моему послу в Риме поставить Ваше превосходительство в известность об испанских территориальных стремлениях и притязаниях. В дополнение к вкладу, внесенному Испанией в дело строительства нового порядка (свержение республики) Испания предлагает другой вклад, поскольку мы готовимся занять наше место в борьбе против общего врага. С этой целью мы обратились к Германии с просьбой обеспечить элементы, необходимые для действий, — ускорить приготовления и приложить все усилия к наибольшему, насколько это возможно, улучшению положения со снабжением Испании. Ввиду этих обстоятельств вы поймете безотлагательность моего обращения к Вам с просьбой о солидарности в отношении стремлений к нашей безопасности и величии, при условии, что мы окажем максимальную взаимную поддержку Вашей экспансии».

Несколько дней спустя, 21 августа 1940 г., представитель Франко генерал Вигон передал немецкому послу фон Штореру следующие слова Франко: «Испания и так уже наполовину в войне и было бы лучше вступить в нее полностью и заручиться италийско-германской экономической поддержкой, чем страдать от британской блокады и американского бойкота испанских товаров».

Вскоре после этого испанский министр иностранных дел Серрано Суньер имел длительную беседу с гитлеровским послом фон Шторером, о которой последний в своем донесении Берлину писал: «У меня сложилось убеждение, что Суньер считал участие Испании в войне делом, так сказать, определенным. Министр внутренних дел займется подготовкой общественного мнения путем нападков испанской печати на Англию. Поскольку ожидается падение Англии, опасения экономического порядка в связи с вступлением Испании в войну сейчас уменьшились».

10 сентября 1940 года, продолжая Гервази, Суньер прибыл в Берлин к Риббентропу для того, чтобы договориться об условиях вступления Испании в войну. Помимо территориальных уступок, он требовал немецких поставок оружия для нападения на Гибралтар, продовольствия, горючего и прочее. Однако немцы под влиянием успехов в завоевании западной Европы игнорировали эти требования. Риббентроп пообещал удовлетворить экономические нужды Испании только после ее вступления в войну и потребовал взамен оккупации Германней одного из Канарских островов. Суньер не согласился на это. Тогда Риббентроп изложил другие немецкие условия, потребовав уплаты Испанией денежного долга, обеспечения поставок в Германию меди, вольфрама, железа, фосфатов и участия Германии в испанской промышленности. Суньер согласился на это, но опять отказался удовлетворить территориальные требования Германии.

Гервази пишет далее, что 17 сентября 1940 г. Суньер встретился с Гитлером. Последний также потребовал предоставления Германии баз на Канарских островах и на северо-африканском побережье. В письме к Франко на следующий день Гитлер заявил, что Испания сможет почти полностью разрешить свою продовольственную проблему путем изгнания Англии из Средиземного моря.

В своем ответе 22 сентября Франко заверил Гитлера, что Германия может рассчитывать на все, что есть у Испании, но возразил против создания германских баз в Агадире и Могadore (на территории испанского Марокко). Далее Франко писал в этом письме: «Я согласен с Вами, что изгнание англичан из Средиземного моря улучшит положение нашего морского транспорта, хотя, очевидно, не все продовольственные вопросы Испании будут разрешены, так как многих продуктов и сырья, в которых нуждается Испания, не имеется в бассейне Средиземного моря. Я также придерживаюсь мнения, что нашим первым актом после вступления в войну должно быть захват Гибралтара. Действительно, это застраховало бы западную часть Средиземного моря и устранило бы любую опасность, за исключением, возможно, опасности, которая может возникнуть время от времени, если де Голлю удастся осуществить план восстания в Тунисе и в Алжире. Сосредоточение наших войск в Марокко уменьшит эту опасность... Возможность внезапного нападения англичан на Канарские острова для создания военно-морской базы с целью защиты своих морских путей всегда беспокоила меня. Имея в виду эту возможность, мы уже находимся в процессе посылки туда запасов продовольствия и снаряжения и ограниченных сил артиллерии, взятых нами из менее угрожаемых районов. Несколько месяцев тому назад мы дали приказ о проведении частичной мобилизации и послали вооружение для всего архипелага. Мне хотелось бы, дорогой фюрер, поблагодарить Вас еще раз за предложенную солидарность. Я отвечаю на это заверением в моей неизменной привязанности к Вам лично и к делу, за которое Вы боретесь. Надеюсь, что ради защиты этого дела я окажусь в состоянии возобновить старые узы дружбы между нашими армиями».

После ряда аналогичных переговоров, пишет Гервази, одиннадцатого ноября 1940 г. фон Шторер послал в Берлин телеграмму следующего содержания: «Министр иностранных дел подписал. Курьер с копиями отправляется завтра». В телеграмме говорилось о заключении испано-немецкого соглашения и о вступлении Испании в войну. Однако неудача Италии в Греции осенью 1940 года затем охладила пыл Франко.